

УНИВЕРСИТЕТ ВЪНШНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека

КИШИНЕВ
2022

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*

KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А. В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О. В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г. В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е. Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И. Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . . .	35
М. Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О. В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О. В. Шаров (†), Д. А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н. Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А. А. Канапин, А. А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М. Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К. В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш . . .	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), **D. A. Kostromichyov** (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

Е. Ю. Гиря

Черты к портрету археолога нашего времени

Keywords: to the memory of my friend

Ключевые слова: памяти друга

E. Yu. Giryа

A few details to the portrait of a modern archaeologist

More than six months have passed since that tragic day when an insidious disease snatched our dear friend Oleg Vasilyevich Sharov, our wonderful Shary, from our ranks. Many times I took up writing these lines, and every time I gave up — I didn't have the strength to accept his departure. I have a lump in my throat as I am writing this.

I do not consider myself entitled to write about Oleg as an archaeologist, a specialist in his field of science. The realities of modern archaeology have long been such that, being an inveterate Stone Age man, I can only imagine in the most general terms what and how is happening in the archaeology of later epochs. My competence rarely extends beyond the times when material culture was still connected with stone, that is, no later than the Bronze Age.

Oleg's scientific works will undoubtedly be far better evaluated by those who are familiar with the matter. Therefore, I will write about him as a friend, as a comrade and colleague, with whom the brightest pages of my life are inextricably linked. On the other hand, at the same time, I also do not intend to pretend to create a portrait of Oleg. I have neither the strength nor the ability to do this. This is just a short essay about Oleg, written in the non-existent genre of 'grief'. Sketchily, I will try to note certain features that, in my opinion, were typical of him and especially dear to me.

Е. Ю. Гиря

Черты к портрету археолога нашего времени

Прошло более полугода с того трагического дня, когда коварная болезнь вырвала из наших рядов дорогого нашего друга Олега Васильевича Шарова, нашего замечательного Шария. Много раз я брался за написание этих строк, и всякий раз опускались руки — не было сил смириться с его уходом. Вот и сейчас ком подступает к горлу.

Я не считаю себя вправе писать об Олеге как об учёном-археологе, о специалисте в своей области науки. Реалии современной археологии давно уже таковы, что, будучи закоренелым каменщиком, я лишь в самых общих чертах представляю, что и как происходит в археологии более поздних эпох. Моя компетенция редко простирается далее тех времён, когда материальная культура всё ещё была связана с камнем, то есть — не позднее бронзового века.

Оценку научных трудов Олега, несомненно, дадут те, кто «в теме». Поэтому, я буду писать о нём как о друге, как о товарище и коллеге, с которым неразрывно связаны самые яркие страницы моей жизни. С другой стороны, при этом, я также не намерен претендовать на создание портрета Олега. Нет у меня для этого ни сил, ни способностей. Это лишь небольшой очерк об Олеге, написанный в несуществующем жанре «скорбь». Эскизно постараюсь отметить отдельные черты, которые, по моему мнению, были свойственны ему и особенно дороги мне.

Светлой памяти Олега Васильевича Шарова — Человека-Солнце, Пантагрюэля и шаровиптерикса

Прошло более полугода с того трагического дня, когда коварная болезнь вырвала из наших рядов дорогого нашего друга Олега Васильевича Шарова, нашего замечательного Шария. Много раз я брался за написание этих строк, и всякий раз опускались руки — не было сил смириться с его уходом. Вот и сейчас ком подступает к горлу.

Я не считаю себя вправе писать об Олеге как об учёном, о специалисте в его области археологии. Реалии современной науки давно уже таковы, что, будучи закоренелым «камен-

щиком», я лишь в самых общих чертах представляю, что и как происходит в археологии более поздних эпох. За редкими исключениями, пределы моей компетенции заканчиваются на эпохе бронзы — именно там, где начиналась компетенция Олега.

Профессиональную оценку научных поисков и достижений Олега, несомненно, дадут те, кто «в теме». Я же буду писать о нём как о друге, как о товарище и коллеге, с которым неразрывно связаны и светлые, и тёмные, но всегда и неизменно яркие страницы моей

жизни. Буду писать сугубо субъективно, только «от себя», не претендуя на создание «объективного» портрета Олега. Нет у меня для этого ни сил, ни способностей. Насколько смогу, я постараюсь хотя бы эскизно наметить отдельные черты, которые, по моему мнению, были свойственны ему и особенно дороги мне. Таким образом, это лишь небольшой очерк об Олеге, написанный в несовременном жанре «скорбь и горечь утраты», это отдельные штрихи, зарисовки к целостному образу, к портрету Олега, создать который нужно и должно именно нам — всем близким к нему людям.

Олег появился в нашей группе на кафедре археологии не сразу, не с первого курса. Он перевёлся к нам с вечернего отделения, тогда ещё относительно недавно созданного. В те времена это отделение ещё существовало. Оно служило желанным и надёжным спасательным кругом для всех нуждающихся, не попавших на дневное по тем или иным причинам. Однако, и туда (на вечернее) не всякий мог попасть. Светлейшей памяти доцент нашей кафедры Василий Александрович Булкин изобрёл и активно пропагандировал среди абитуриентов, не поступивших на дневное обучение, особую технологию, алгоритм достижения вождённого места на кафедре хотя бы на вечернем отделении. Главным кунштюком, основной «хитростью» метода Василия Александровича было поступление в корабельное училище на Васильевском острове, где постоянно был недобор слушателей. Учёба там приравнивалась к работе на производстве. Поэтому, при условии отличной успеваемости в этой корабельной бурсе, любой «понаехавший» иногородний без ленинградской прописки, кроме стипендии, жилья и даже какого-то обмундирования и льготной кормёжки, имел право на посещение вечерних курсов в университете. Всё это я очень хорошо помню, так как сам, провалив в очередной раз вступительные экзамены, по совету Василия Александровича, пытался «ухватиться за эту соломинку». В своё время я, увы, опоздал на один день с подачей документов в это корабельное. А вот тремя годами позже Олегу это удалось и, в итоге, он попал на кафедру!

Было это всё очень много лет назад. Писал и сам не поверил, что так давно. Не отличаясь математическими способностями, проверил в интернете с помощью календарного калькулятора — так и есть. Было это уже сорок «с небольшим» лет назад, то есть, чуть ли не половина века прошла с тех пор. Ну надо же!

На вечернем отделении Олег не задержался и уже на втором курсе он учился с нами на дневном. Группа наша была большая — двенадцать человек, что в то время было редкостью. Олег всегда был открыт к общению. Человек-Солнце, он настолько органично вписался в наш коллектив, что до сих пор, кажется, будто он всегда был с нами, изначально, с самого первого курса.

Группа была дружная, сплочённая. Возможно, из-за этого в деканате к нам относились с некоторым недоверием и какой-то предупредительной насторожённостью. Мы, в свою очередь, это чувствовали, но не обижались. Напротив, мы чуть ли не гордились этой, не нами придуманной традиционной оппозиционностью, и с подчёркнутым цинизмом горланили строчки из кафедрального гимна: «В деканат, в партбюро, в деканат, археологи тащатся в ряд. Это кто-то из наших, наверно, языком трепанул чрезмерно». Во всём этом, конечно же, была доля фронды, модного в те времена напускного диссидентства, но эта оппозиционность никогда не была для нас ни целью, ни чем-то действительно значимым. Значимой была археология. Недавно Л.Б. Вишняцкий напомнил мне, что тогда мы вполне осознанно гордились тем, что на нашей кафедре, в отличие от многих других на истфаке, можно было по крайней мере не врать. Скорее всего, так оно и было.

В целом, компания нашего курса мало чем отличалась от компаний иных выпусков и до, и после нас. То есть, как и все представители четвёртой группы истфака ЛГУ (археологи, этнографы и искусствоведы), мы интенсивно учились, работали и «нарушали безобразия». И, хотя в те времена ещё не существовало лозунга «пей, пой, копай!», дух кафедры оставался неизменным. Мы вполне сознательно принимали традиционные кафедральные ценности такими, какими они были. Во всём здравом и во многом сомнительном (увы и ах!), мы равнялись на старших товарищей и коллег, давая далеко не всегда положительный пример младшим.

Главными застрельщиками всех совместных предприятий археологов нашего курса были наши Гаргантюа — Игорь Бажан и Пантагрюэль — Олег Шаров. Понятное дело, что Игорь и Олег не были отцом и сыном, и никто никогда их так не называл, но безудержная любовь к жизни при полном пренебрежении к границам разумного, безусловно, приближала их обоих к хрестоматийным образам великого Рабле. Краёв в жизнелюбии они оба не знали и не желали знать. Если,

иногда, они и признавали необходимость таковых хотя бы в чем-то, то лишь под сильным давлением обстоятельств. Для них не существовало понятий «плохое вино» или «скудный стол». Любители шашлыка из осетрины у камина под шампанское, волшебной силой своего безудержного оптимизма они любую трапезу превращали в праздник, любое пристанище — в уютный уголок, и в столицах, и в полях, и в степях, и в тундрах.

Учились мы все старательно (ну очень старались!). Как могли, так и старались. Всегда помогали друг другу. Я, к примеру, до сих пор уверен, что без Олега не сдать бы мне Глебу Сергеевичу Лебедеву экзамен по археологии железного века. Основными камнями преткновения на пути к получению диплома для нас являлись почти все *НЕ* археологические предметы. Особо опасными для выживания на факультете в те времена считались иностранные языки и физкультура, за ними шли история КПСС, политэкономия социализма и история стран Азии и Африки. Всё остальное можно было достаточно просто заучить «стремительным наскоком», быстро (пока знания не утекли) «сдать» и забыть.

Самой страшной отметкой были 3 балла — это была трагедия. «Тройка» лишал человека его кровной стипендии на целый семестр, поскольку пересдать его было практически невозможно. Иное дело — честная «двойка». Она символизировала собой великодушные экзаменатора, проявление снисходительности, понимания и даже любви к нам — молодым балбесам. Я не помню, чтобы у Олега были «тройки». Он умел поладить с экзаменаторами, учился на «4» и «5», преподаватели его любили.

Летом мы работали в самых разных (обязательных и нет) экспедициях и редко возвращались на кафедру из полей ранее октября. И никто нас за это не корил! Напротив, в случае если кто-то появлялся на факультете в середине или (не дай бог!) к первому сентября, о таком человеке начинали беспокоиться: здоров ли он, не случилось ли чего с его родными и близкими?

Прибыв в Город по окончании полевого сезона, параллельно учёбе, мы работали кто где мог. Чаще всего — дворниками и сторожами. Работа дворником могла обеспечить бесплатное жильё, пусть даже плохонькое, в аварийном состоянии. Часто, официально устраивался один человек, а проживали и делали дневную норму работы несколько. Такие квартиры автоматически превращались в места сбора, а иногда и проживания, многих наших одно-

группников. В них устраивались совместные занятия, обработка коллекций, написание отчётов и подготовка к особо сложным экзаменам, а между ними — самые разнообразные сборища и вечеринки по любому поводу. Впрочем, то же самое мы учиняли и в общежитиях, и в камералках (включая даже святая-святых — Эрмитаж!). Я почти не помню таких компаний без участия Олега.

Все мы регулярно посещали «Петрополь» — культовый, в то время, пив-бар на Среднем проспекте В.О. Гуляли в Центральном парке культуры и отдыха, где любили кататься на лодках и водных велосипедах. Однажды поздней осенью, по неосторожности, уронили с лодки в озеро своего товарища, студентку-этнографиню. Сушили мы её на истфаке, прямо на нашей кафедре, где нас приняли как родных, без малейшей тени упрека или удивления.

Благодаря стараниям того же Василия Александровича Булкина, всей нашей неуёмной группе удалось съездить в Киев на практику, где мы, воодушевлённые и восхищённые совместным путешествием, занимались тем же что и в Питере: учились, работали и безобразили. Это была фееричная, незабываемая поездка. В отличие от предшествовавшего нашему заезда, нам всем удалось вернуться оттуда почти без потерь и в назначенный срок. Что было, то было. Мы всегда гордились дружбой со студентами параллельного нам курса кафедры археологии Киевского университета.

При этом, мы всегда пели песни. Олег был единственным в нашей группе, кто играл на гитаре. Он знал несчётное количество песен *нашего* репертуара. Мне нравились многие песни в его исполнении, а некоторые я *не* в его исполнении до сих пор не воспринимаю. Помнится, мы любили несколько изменять слова известных песен. Так мы изменяли стихи Ильи Эренбурга и пели: «Все ждать и ждать, как неуклюже зашевелится невиский лёд» (в оригинале — «грузный»).

А чего стоило его исполнение песни «я сушу свои носки над тарелкой супа»! И в этой песне мы слегка изменяли авторский текст, но не особо переживали из-за этого. О многих-многих иных, заглавных-забойных археологических студенческих песнях-кричалках «про скифов» и, конечно же, про «Орла», про кафедральную «мы по речке по Каспле» — и речи нет. Тут Олег был и остаётся для нас непревзойдённым. В вагонах поездов, в полях, в квартирах, камералках и общагах мы пели хором. Пели при

любой возможности, пели с упоением, громко, от сердца и от души. Нет сомнений, что со стороны наше пение звучало и воспринималось иначе. До сих пор не перестаю удивляться терпению слушавших нас вольно или не вольно.

В целом, наш курс был таким же, как и все иные курсы на кафедре археологии. Хотя, пожалуй, одно отличие всё-таки было — по окончании университета, не сразу, но в итоге, почти все из наших одноклассников нашли возможность работать по специальности. Говорят, что в сравнении с иными выпусками ЛГУ, в ЛОИА–ИИМК РАН наших работников больше всех.

После окончания университета Олег попал («загрел») в армию офицером на два года. Потом он вернулся в археологию и почти сразу организовал археологическое издание «Фарн». Из всех членов нашей университетской группы на работу в ИИМК он поступил последним.

Мне посчастливилось работать с Олегом в нескольких экспедициях на реке Яне. Это были очень непростые «поля», со множеством самых разнообразных сложностей и весьма острых, неприятных конфликтных моментов. Следует пояснить, что для Олега это были «не профильные» поездки. Попросту говоря, необходимо было зарабатывать деньги. То есть, в данном случае, он вполне мог бы уклониться от излишних орг. -нагрузок (от ненужного ему «геморроя») и не проявлять никаких инициатив. Но не таков был Олег. В экстремальных ситуациях он не дрефил, друзей не предавал, не бросал, всегда был спокоен и рассудителен. Однажды в глухой тундре нам удалось добиться отмены ареста экспедиционного оборудования. На это ушло почти двое суток дневных и ночных переговоров с представителями местных силовых органов (госбезопасности и транспортной милиции). Тогда Олег показал себя по-настоящему эффективным дипломатом, способным идти на компромисс в мелочах, не уступая при этом ни на йоту от основных позиций.

Чаще всего, Олегу приходилось самому организовывать и возглавлять экспедиции. При этом, все как один участники его отрядов (исключений я не знаю) вспоминают его как очень предупредительного и заботливого начальника, умелого организатора быта и, главное, здоровых дружеских и рабочих отношений в полевом лагере. Он умел создавать и поддерживать на должном уровне и то, и другое. В отличие от многих иных начальников, каким-то, иногда до наивности простым

и естественным образом, он формировал вокруг себя очень доброжелательную атмосферу, которая, как говорится, «строить и жить помогает». Даже люди с большим полевым стажем вспоминают его экспедиции как лучшие в их жизни. Такие признания услышишь не часто, они дорогого стоят.

Как-то на Яне мы сменяли группу, готовившую лагерь для работ основного отряда. Подготовительными работами руководил Олег, часть людей уезжала, часть оставалась. Все были счастливы, несмотря на мириады комаров, сквозь тучи которых можно было без боли в глазах смотреть на солнце (это не метафора). А вечером я узнал от Олега, что отнюдь не комары доставляют ему неудобство. Оказалось, что он никак не может толком выспаться из-за ночного холода. Мы сделали ему дополнительный спальник-кулёк из привезённой мною мягкой кошмы. Проснувшись утром, он сказал, что выспался впервые за все полтора месяца экспедиции. Обеспечив отряд всем необходимым, он просто не нашёл времени позаботиться о себе.

Среди многих позитивных качеств Олега, на мой взгляд, особенно ценными были его неуязвимый оптимизм и организационный талант, который он проявлял не только в ходе своих собственных работ. Однажды он навел нас в экспедиции Сергея Кулакова в Адлере. Мы с Сергеем к тому времени уже весьма подустали, так как долго «сидели» — работали в глубине Ахштырской пещеры. Вечерами мы едва находили силы для организации пристойного ужина. С приездом Олега всё изменилось, он умудрился в первый же вечер из ничего сделать какое-то пристойное блюдо (на крепком вине!), а уже через несколько дней нашёл нам гораздо более удобное жильё за меньшие деньги. Отдельная история — походы Олега на Адлерский рынок, они вошли в легенду. Я свидетель того, что именно после него картошку «для варки» и «для жарки» в Адлере стали продавать раздельно.

Обычай выпивать и общаться дистанционно («он-лайн») появился в нашем кругу задолго до ковидных ограничений. Нам и без того не всегда удавалось собраться. Поэтому, в карантинном 2020 году, мы отмечали 60-летие Олега неоднократно и онлайн, и при личных встречах. Большое официальное празднование несколько раз откладывалось, что провоцировало множество спонтанных «отметаний» в небольших компаниях.

На одной из таких постюбилейных встреч, произошедшей уже в 2021 году в «Багателе» на Большой Конюшенной, я поделился с дру-

зьями неожиданным открытием. Оказывается, что немногим более 200 миллионов лет назад, в триасовом периоде существовал шаровиптерикс — летающий протозавр, открытый и описанный однофамильцем Олега, палеонтологом Александром Григорьевичем Шаровым. Поскольку в тот вечер юбиляру моя шутка понравилась, я позволю себе коротко изложить её здесь.

Это было единственное в своём роде летающее существо, не имевшее средств для спокойного, ленивого и плавного парения над просторами нынешней Средней Азии (он был найден в Ферганской долине), поскольку крылья его никак не были связаны с плечевым поясом. Шаровиптерикс был уникален именно тем, что крылья у него росли из другого места (пониже). То есть, его перепончатое крыло было приурочено к тазовому поясу, благодаря чему ящер умел лишь стремительно планировать на достаточно больших скоростях, ведь для уверенного контролируемого полёта необходимы либо широкое крыло, либо мощная сила тяги. Следует иметь в виду, что такую же, как у шаровиптерикса, форму крыла планера имеют все современные истребители, которые, без мощной тяги, на малых скоростях не летают — падают. Как бывший механик МИГ-21, я вправе судить об этом.

На долю нашего поколения археологов позднего СССР и ранней России выпало нелёгкое время. Мы оказались лишены всех условий, которые ранее обеспечивали нормально функционировавшие научные институты. И в этом аспекте, мы все вполне подобны шаровиптериксу. Для реализации своих научных планов без широких крыльев и/или без дополнительной тяги нам поневоле приходилось забираться на какие-то высоты и нырять оттуда в пропасти в надежде удачно поймать восходящий поток.

Времена не выбирают. Всё относительно и не нам судить, свезло нам или не свезло. На мой взгляд, особо удачными для жизни в науке наши годы не назовёшь. К несчастью, к тому времени, когда мы уже достигли своих целей, обосновались кто-где и «твёрдо стали на крыло», ни академические институты, ни университет были уже не в состоянии обеспечить нам условия, достаточные для полноценной научной деятельности.

В этом смысле, возможно, было бы здорово, если бы Олегу удалось стать научным сотрудником Эрмитажа, к чему он так стремился всю жизнь. Ему, правда, удавалось подрабатывать в экскурсионном отделе. Для этого Олег даже разработал авторскую экскурсию

по «Золотой кладовой». Экскурсия была эксклюзивная, не ординарная. Судя по отзывам, она действительно пользовалась неизменным успехом и у дилетантов, и у знатоков. Жаль, что не сохранилось ни аудио, ни видео записей. Без сомнений, она была одним из лучших его произведений. А вот стать научным сотрудником Эрмитажа, со своей тематикой и своими экспедициями, Олегу не посчастливилось. Жаль.

Мало кто из нашего поколения археологов оставит после себя тяжёлые фолианты собранных сочинений. Капитальные исследования требуют и времени, и отсутствия суеты. Графоманом Олег не был и к «хиршам» наукометрии (к *наукомертвию*) относился так же, как и большинство из нас — как к неизбежному злу: терпеливо, с вынужденным и нескрываемым раздражением. Насколько мне известно, он успел написать и издать несколько монографий и более сотни статей. Кроме того, он осилил защиту докторской, гордился этим званием и возлагал на него немало надежд, которые, увы, почти ни в чём не оправдались. Может быть, не успели оправдаться. В наши дни «докторская» имеет научное и, лишь совсем немного — символически-престижное значение. Она как мёд у Винни Пуха — «очень уж странный предмет».

Олег принимал активное участие в знаменитом домашнем семинаре Марка Борисовича Щукина, который он возглавил после ухода учителя. Заседания Щукинского семинара он перенёс в ИИМК, где они продолжались вплоть до последнего года работы Олега в нашем институте. Как мог он продолжать, а по сути дела — спасал, научную традицию, школу, берущую начало ещё от М. И. Артамонова.

Вместе с этим, он каким-то образом находил время, силы и средства заботиться о благополучии семьи. Неумолимый предприниматель, Олег был бесспорным чемпионом по количеству переездов и иных (нередко авантюрных) сделок, связанных с арендой, приобретением и/или обменом недвижимостью в Ленинграде — Санкт-Петербурге и его окрестностях. По-видимому, его в одинаковой мере увлекали и сам процесс смены жилья, и желание получше устроить близких, ведь самого Олега никак нельзя было назвать домоседом. Он буквально жил путешествиями, любил новые места и легко сходилась с новыми людьми.

Лёгким и гладким жизненный путь Олега не назовёшь. Не таковы были обстоятельства его жизни, а, главное, — не такова была его

натура. Он неоднократно взлетал и неоднократно бесстрашно, порой очертя голову, бросался в пропасти. Иногда удачно ловил волну, планировал и взлетал на новые высоты. Иногда — нет.

Беда была в том, что при этом он почти не думал о себе и слишком мало заботился о своём здоровье. Надеясь на авось, он считал, что организм все сдюжит. В его жизни не счесть случаев, когда всё могло закончиться печально. Неоднократно его выручали только чудо и счастливое стечение обстоятельств. Промёрзнув на Яне, он простудил зуб. С большим трудом удалось его эвакуировать вертолётom в Тикси, а оттуда в Питер, где врач констатировал, что ещё бы день-два и сепсиса было бы не избежать.

При всём при этом, совершенно непонятно, каким образом он, практически постоянно пребывавший под наблюдением врачей, лечивший глаза, суставы и прочее, и прочее... умудрялся обходиться без элементарного медицинского полиса страхования? Оказывается, некогда было оформить!

Такие вот мои несколько черт к портрету Олега, нашего Шария, Человека-Солнце, Пантагрюэля и шаровиптерикса.

P.S.

Младшему сыну Олега — Филиппу сказали, что папа уехал в длительную экспедицию. Вначале я отнёсся к этому невинному «обману» с горькой иронией, а теперь вот обнаружил, что и сам так думаю. В командировке он, в экспедиции... пока мы живы.

Evgeny Giryа (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Гиря Евгений Юрьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: kostionki@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2037-9826

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation